

Скидкульф Убийца Знатных — известный викинг в Хедебю, громадный, повыше, чем его сопалубники, с длинными светлыми волосами, бородой и усами. Сейчас он налегал на весло драккара, под плеск воды и свист стрел кривичей. Волхов — достаточно большая и богатая река, по ней туда-сюда снуют судна, лодьи местных князей, купцов и прочих людей, и тут есть чем поживиться. Трувольд Кабан, ярл, вождь викингов, сейчас вознамерился ограбить небольшой городок кривичей, спустившись вниз по реке из Ладogi.

Скидкульф чувствовал, как в нем разжигается жажда крови. Он был матерым викингом и часто ходил в вики со своим ярлом, убивал, грабил... Но каждый раз был для него словно первый. Перед дракой появилось небольшое волнение, но затем ярость затопила все остальное. Он уже был облачен в кольчугу и в очкастый шлем из Гермундбю. Его щит висел на борту, справа от скамейки-рума, и в него уже воткнулось несколько стрел.

Из пристани городка вышла одинокая лодья. Конечно, она могла переубедить викингов нападать: потери, которые понесут северяне в бою с кораблем, будут слишком велики, и Трувольд не сможет взять город. Однако с отставанием в полверсты за первым драккаром идет еще один. На каждом по шесть десятков бойцов, могучих и бывалых. Как раз к тому времени, когда все воины на лодье будут убиты, вторая команда высадится в порту и возьмет ворота небольшого городка, огороженного частоколом в два человеческих роста.

— Оружие к бою! Весла задрать! — заорал кормчий, и викинги исполнили команду.

Скидкульф зарычал, чувствуя, как его заполняет ярость Одина. Он выхватил меч, снял с борта щит и встал в один строй с остальными у левого борта.

Несколько крюков взмыли в воздух, зацепились за деревянные борта и притянули друг к другу корабли. В это время несколько лучников и копейщиков метали свои орудия, и один из славян упал, пронзенный хогспьётом.

Треск дерева, и нурманы, зарычав, вскочили на скамейки и прыгнули на вражескую палубу. Скидкульф метнул прежде себя свой щит, который приняли на копья, вскочил на него, оттолкнулся еще и перелетел через строй кривичей.

Он приземлился ловко, на обе ноги, присел и развернулся, взметнув руку. Один из безбронных славян, что стояли позади строя, вскрикнул и припал на разрезанную ногу. Викинг отобрал у него щит и врубился в гущу врагов, раздавая удары направо и налево. Его кольчуга вместе со шлемом весили целый пуд, но он не чувствовал веса. В хаосе битвы все вертелось, кричало, брызгала кровь, звенело железо... Викингов было больше, и они постепенно оттеснили два десятка оставшихся в живых кривичей к мачте, окружили и стали планомерно истреблять. Те оцетинились щитами и копьями, но бродексы — длинные топоры — рубили их через головы викингов. Через десять минут на ладье остались лишь раненые и мертвые кривичи да победно кричащие викинги.

— Скидкульф! Дорежь раненых! Кормчий! С десятью воинами пригони ладью к причалу, это будет наша добыча! Остальным — вернутся на драккар! — кричал Трувольд.

Скидкульф Убийца Знатных подошел к знатному воину, видимо, командиру кривичей. Тот лежал с разрубленной ногой и не мог двигаться.

— Ну давай, разбойник, — прохрипел славянин. — Заканчивай свое дело, нурман.

— ОДИН! — заорал Скидкульф. — Вот еще один знатный враг, которого я приношу тебе в

жертву! прими же мой дар! — тут он вонзил свой меч в лицо раненому воину. Он с удовлетворением почувствовал, как подалась назад его голова, как острие преодолело сопротивление, с хрустом пробило кость и увязло в мозгах.

Высвободив клинок, Скидульф обошел всю ладью в поисках выживших славян. Последним оказался молодой паренек в шлеме и в выбеленной рубахе.

— Нет, не надо, за меня возьмут выкуп, — скулил славянский щенок. — Мой отец заплатит...

Нурман прервал этот скулеж быстрым ударом. Он был с ног до головы забрызган чужой кровью. Драккар уже отчаливал, чтобы пристать к порту и высадить десант.

— Скидульф! Помоги довести ладью до суши! — крикнул ему кормчий, но викинг лишь ухмыльнулся ему в лицо, взбежал на борт корабля и перемахнул трехметровую пропасть между родным драккаром и трофеем. Он еще не насытился битвой.

Все три корабля причалили почти одновременно. Из-за частокола трусливые кривичи пускали стрелы, но викинги быстро организовали единый строй, в считанные минуты превратили молодое дерево в таран, сомкнули щиты над головами. Сотня северных суровых воинов подошла к воротам и спустя четырнадцать ударов тарана разнесла их в щепки.

— О-о-один! — зарычало свирепое воинство, бросившись на немногочисленных защитников.

— Перун! — отозвался вражий князёк, но его визг потонул в бушующем реве. Была короткая стычка, всех славян перерезали, а лучникам на частоколе отрубили руки. Городок сдался.

Пока ярл Трувольд решал, что делать дальше, некоторые воины отправились грабить. После удачной битвы их кровь просто кипела в жилах.

Скидульф в компании Ломунда и Фриса вломился в один из дворов. Сейчас их ожидало веселье.

Три викинга построили всех обитателей богатого дома, включая холопов. Старенький дедок, подросток лет двенадцати, пара немых мужичков-холопов, четыре девушки от восемнадцати до тридцати лет.

— Эй, дед, подойди-ка сюда, — буркнул Скидульф. Он уже придумал, что будет делать с пленниками. Оба его друга застыли в сторонке, ухмыляясь и предвкушая зрелище.

— Что тебе надо, нурман? — без тени страха ответил гордый старик. Викинг еле удержался, чтобы не срубить ему цыплячью головку прямо сейчас.

— Кто эти девки?

— Рада — жена моего сына, которого вы только что убили. Велезика — ее младшая сестра, а Змислава и Марья — мои дочери. Если вы хотите надругаться над ними, сперва убейте меня. Я не хочу видеть такого позорного конца.

— Не твое дело, старый трэль. — Скидульф обозвал деда холопом не просто так. Его запросто можно будет продать.

— Возьми своих холопов и иди к ярлу Трувольду. Скажи ему, что от меня, и вас не тронут. Это для тебя единственный шанс не потерять сегодня голову. И паренька этого малого не забудь.

Старик посмотрел на грабителя молчаливым взглядом, затем вздохнул и подчинился. Он увел всех мужчин-обитателей из дома.

— Змислава, Марья, подойдите, — сказал он, и к нему вышли две девушки. Одной было восемнадцать, она была веснушчатая, но милая личиком, имела небольшие груди, округлую попку. (Специально для ) Вторая, Змислава, была уже настоящей женщиной, с налитым женским телом и внушительными прелестями.

— Марья, ты ведь знаешь, что будет с твоим отцом, если ты меня не слушаешься? —

ласково спросил викинг.

— То же, что и с моим братом, — ответила девчушка, опустила голову и всхлипнула.

— Да. Поэтому уж постарайся сделать так, чтобы твои родственники остались целы, включая и остальных барышень. Если исполнишь все, что я потребую, то они останутся живы и невредимы.

Змислава положила младшей сестре руку на плечо и ободряюще что-то шепнула.

— Х-хорошо, я сделаю все... Только не троньте их... — сказала младшая сестра.

— Для начала отсоси-ка его, — Скидульф скинул рубаху и достал из штанов свой немалый член. Он бы с трудом поместился во рту Марьи, но та, повинувшись, заплакала, но присела на коленки.

Воин разорвал ее нижнюю рубаху. Она сидела, нагая, плачущая, одной рукой тщившаяся прикрыть свои прелести. Девушка взяла возбужденный член в руку и несмело лизнула. Сквозь слезы она посмотрела ухмыляющемуся викингу в глаза и пропихнула огромную головку в рот.

Она сосала неумело, но зато старательно — спасала свою родню. Насладившись отсосом, но так и не кончив, Скидульф приказал Змиславе:

— Теперь ты раздевайся и ласкай свою сестру. Если не доставите мне удовольствия, я казню вашего папашу, — тем временем Ломунд и Фрис приступили к оставшимся девушкам, тоже сестрам.

Марья плакала, но ее старшая родственница была более сдержана. Она обнажилась и теперь, опустившись на колени, одной рукой дрячила фаллос Скидульфа, а другой обнимала сестричку. Их рты встретились в поцелуе, и они извивались, выпятив попки.

— Теперь сосите обе! — и славянки по очереди начали делать минет Скидульфу. Тот только охал и рычал, когда их язычки и губы порхали по его члену, доставляя как можно больше удовольствия. Где-то там, позади, другие викинги трахали девушек на обеденном столе.

Не утерпев долго перед ласками двух сестричек, Скидульф начал кончать Змиславе в рот. Его член после извержения и не думал опускаться, и после ласк Марьи он снова приобрел прежнюю крепость.

— Великолепно, — удовлетворенно произнес Скидульф, глядя, как капельки спермы, попавшие старшей сестре на лицо, медленно стекают вниз. Он отослал ее прочь, а сам повернулся к младшей.

Марья замерла, глядя на него, тоже попыталась уйти, подумав, что грабитель удовлетворен, но была поймана уже полностью голым викингом. Он положил обмякшее тельце на длинный стол и заставил ее выгнуть попку. Девушка лишь рыдала в голос, но после того, как он вошел в нее и лишил девственности, лишь молча сотрясалась.

Для здорового викинга Марья оказалась слишком узенькой, но он как-то сумел не разорвать ее. Девушка лежала и чувствовала, как огромный насильник вторгся в нее и начал грубо пользоваться, но ничего не могла сделать.

Однако член двигался внутри, и она, к ее ужасу, начала испытывать удовольствие. Гибель брата и сестры — все это вдруг пропало, и славянка, с черной пустотой вместо разума, вдруг вскрикнула от блаженства. Скидульф натягивал ее как мог, а она потекла, выгнулась и стонала под ним. Через двадцать минут викинг мощно излился в нее и отступил назад. Марья тоже испытала оргазм и теперь лежала, закрыв глаза и ни о чем не думав.

— Пожалуй, эту я оставлю подольше, — ухмыльнулся викинг, натягивая штаны.